

Пэй Цинъи сидел мрачный, кусая губу. Не мог понять, на каком этапе план дал сбой. Ведь совсем недавно мужчина был так нежен, обрабатывая его раны, а теперь бросил одного. От этих мыслей глаза снова налились слезами.

Пэй Цинъи не из тех, кто сдаётся легко. Он попытался встать, чтобы пойти за Шэнь Цзюнем, но едва опёрся на прикроватный столик, как увидел — тот уже идёт.

Мужчина быстро подошёл, поддержал его, голос звучал тревожно:

— Зачем дёргаешься? Раны только обработал — разойдутся.

Не сказал бы — может, и ничего. Но эти слова прозвучали как упрёк. Пэй Цинъи отвернулся, и несколько слёз молча скатились по щекам. Шэнь Цзюнь попытался повернуть его к себе — не дался.

Шэнь Цзюнь вздохнул, сел рядом и, глядя на свою жалкую жену, мягко поцеловал её в лоб.

— Не накручивай себя. Я вышел, чтобы решить вопрос с твоим контрактом. Завтра приедет мой адвокат, он отнесёт его в корпорацию «Тяньюй». Мы выплатим штраф за расторжение, и тебе больше не придётся быть чьим-то дублёром. Ты свободен. Понимаешь?

Корпорация «Тяньюй» — та самая, где работал Юй Ань. Строго говоря, контракт был заключён именно с ней.

Длинные ресницы юноши всё ещё блестели от непролитых слёз, вид был жалкий и потерянный. Шэнь Цзюнь стёр ту самую слезу и сказал:

— И плачешь так легко, и не веришь мне. Думал, я ушёл, потому что стыдно за жену-дублёра?

Пэй Цинъи всхлипнул и протянул руки. Мужчина взял его на руки, осторожно обнял, стараясь не задеть раны.

— Господин, только, пожалуйста, не будьте слишком строги к Юй Аню... Он же любимый человек старшего молодого господина, — тихо, словно добавляя масла в огонь, произнёс Пэй Цинъи, уже чувствуя удовлетворение.

Шэнь Цзюнь посмотрел на юношу в своих объятиях, усмехнулся, но ничего не сказал.

Пэй Цинъи с удивлением поднял на него глаза и встретил спокойный, глубокий взгляд. Эти тёмные, как старинный колодец, глаза, казалось, могли поглотить всё сознание, заставив на мгновение забыть о дыхании.

Голос Шэнь Цзюня прозвучал сверху, мягко, но с непривычной строгостью:

— Цинъи, ты знаешь, что я тебя люблю. Но не используй мои чувства для своих целей. И не причиняй себе боль, чтобы вызвать во мне жалость. В этом нет нужды.

Сердце Пэй Цинъи упало.

— Господин, я...

Шэнь Цзюнь взглянул на него. Взгляд был непроницаемым, уголки тонких, не склонных к улыбкам губ слегка приподнялись — но это не была улыбка. Он лишь покачал головой, ничего не сказал и ушёл.

Пэй Цинъи рухнул на край кровати, словно лишился души.

Так он... он всё знал? Для кого же тогда был весь этот спектакль? Думал, актёр из него выдающийся, а оказалось — снова сыграл шута.

Юноша сжал кулаки. Пальцы побелели, ногти, которые он не успел подстричь, впились в ладони, и острая боль ненадолго прояснила сознание. На лице застыло выражение, будто он вот-вот заплачет, глаза наполнились влагой, пустой и бездонной.

— Сяо Тао, — тихо, почти шепло, позвал Пэй Цинъи спустя неизвестно сколько времени.

— Третья госпожа.

Сяо Тао всё это время ждала за дверью, услышав зов, быстро вошла, почтительно склонив голову.

— Вы прикажете подать ужин?

Пэй Цинъи покачал головой.

— Третий господин уехал?

— Так точно, — кивнула Сяо Тао. — Уехал недавно. Сказал, может, вернётся поздно, а может, и вовсе заночует не дома.

...

В горле у Пэй Цинъи встал ком. Он не знал, что сказать.

Сяо Тао, видя его скверный вид и вспомнив, с каким лицом уходил Шэнь Цзюнь, решила, что они поссорились. Пэй Цинъи всегда хорошо относился к прислуге, и девушка, забыв о субординации, мягко попыталась утешить:

— Госпожа, не убивайтесь так. Какие супруги не ссорятся? Поссорятся да помирятся. Я раньше при старом господине со старой госпожой служила — бывало, и они ругались, а наутро всё как рукой снимало. Вы с третьим господином оба смиренные, да и поженились недавно — небось, пустяк.

Пэй Цинъи горько усмехнулся. От её слов легче не стало. Со смиренными-то как раз сложнее всего — уж если рассердятся по-настоящему, мириться нелегко.

Он знал: на этот раз Шэнь Цзюнь действительно разгневан.

Сяо Тао, не понимая, что сказала не так, продолжала утешать и вдруг заметила на столике финиковые кексы.

— Сяо Чжэн сказывал, третий господин сегодня после работы специально через несколько улиц объехал, чтобы вам сластей купить. Эти кексы он сам больше двадцати минут в очереди выстоял. Раз уж он так о вас печётся, небось, и сердиться-то долго не сможет.

Она и не подозревала, что её слова стали последней соломинкой.

Горечь в сердце Пэй Цинъи усилилась. Он лишь стиснул зубы, чтобы не утратить самообладание перед служанкой. Помолчав, тихо велел ей удалиться. Лицо юноши было

белым, как фарфор, бескровным, и только губы от укуса стали алыми, почти кровавыми.

Сяо Тао с тревогой смотрела на него. Она видела, как госпожа с самого возвращения сидела в комнате безмолвно, надеялась, что с приездом третьего господина станет легче. Ан нет — после его визита ей стало только хуже. И ужинать не стала, и сидит одна.

Сяо Тао не осмелилась уйти далеко. Сказав «слушаюсь», она закрыла дверь во внутренние покои и осталась караулить в гостиной.

Настенные часы тикали. Сяо Тао и сама не заметила, сколько простояла, ноги затекли. Она потянулась, собираясь сменить позу, как вдруг услышала снаружи лёгкие шаги. Подняв глаза, увидела Шэнь Цзюня.

— Тсс, — нахмурился Шэнь Цзюнь, веля говорить тише. — Спит?

— Не знаю-с, — Сяо Тао давно не заглядывала внутрь. Взглянула на часы — без четверти час! Простояла не заметила. Удивилась: третий господин так поздно вернулся?

Видя, как мужчина нерешительно стоит у двери, Сяо Тао, вспомнив доброту госпожи, набралась смелости:

— Третий господин, хоть госпожа, может, и спит, а вы бы всё ж к ней зашли. Она сегодня и ужинать не стала, одна всё сидит, очень убивается после вашей ссоры. Я гляжу — сердце ноет. Если к утру проснётся, а вы рядом — обрадуется.

Шэнь Цзюнь внутренне усмехнулся. Глупая девчонка, думает, поругались.

— Ладно, ступай. Уже поздно, устала. Завтра выходной, отдохни.

— Спасибо, третий господин! — Сяо Тао, хоть и молодая, едва не подпрыгнула от радости, вспомнив вовремя, что госпожа спит.

Она ещё несколько раз поклонилась и вышла, вся сияя, уже предвкушая сладкие сны. Третий господин с третьей госпожой — люди добрые, хорошие, уж они-то точно помирятся.

Шэнь Цзюнь посмотрел на закрытую дверь, выждал несколько секунд и всё же вошёл.

В спальне горел ночник, свет мягкий, приглушённый. В полумраке юноша лежал на боку, спиной к двери. Чёрные, густые волосы рассыпались, словно самый гладкий и нежный шёлк.

Шэнь Цзюнь прилёг рядом, невольно протянул руку, чтобы погладить эти волосы. Едва кончики пальцев коснулись — почувствовал, как тело под рукой дёрнулось.

— Цинъи? — тихо позвал он.

Юноша, лежавший к нему спиной, сжался в комок, словно ракушка, пытающаяся захлопнуться от прикосновения. Шэнь Цзюнь не видел его лица — лишь маленькое, фарфоровое ушко, белизной своей контрастирующее с чёрными волосами. Контраст этот щемил сердце.

Со спины донёсся лёгкий вздох. Знакомая тёплая ладонь легла на тело. Шэнь Цзюнь помнил расположение каждой раны и обходил их.

Приложив некоторое усилие, мужчина упрямо развернул его к себе — и увидел глаза, красные и припухшие от слёз.

<http://bllate.org/book/15935/1424395>